

На правах рукописи

Лю Яньчунь

Лю Яньчунь

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ВРЕД» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И МОТИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТЫ**

10.02.01 – Русский язык

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Томск – 2018

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Дронова Любовь Петровна

Официальные оппоненты:

Инютина Людмила Александровна, доктор филологических наук, доцент, федеральное государственное казённое военное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирское высшее военное командное училище» Министерства обороны Российской Федерации, кафедра русского языка, профессор

Оглезнева Елена Александровна, доктор филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Томский государственный архитектурно-строительный университет», институт международных связей и интернационализации образования, директор

Ведущая организация:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Защита состоится 26 декабря 2018 г. в 10 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.267.05, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 (учебный корпус № 3 ТГУ, аудитория 26).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на официальном сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ:
<http://www.ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/newpublicationn/YanchunLiu26122018.html>

Автореферат разослан « ____ » ноября 2018 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Филь Юлия Вадимовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Антропоцентрическая парадигма современной лингвистической науки переключает интересы исследователя с объектов познания на познающий субъект – на человека. Оценка, безусловно, отвечает антропостремительным тенденциям. Вопросы категории оценки в лингвистическом плане находят отражение в трудах таких ученых, как Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, А. Вежбицкая, А. А. Ивин, Л.А. Сергеева, В. Н. Телия, З. К. Темиргазина, О.А. Фелькина, В. И. Шаховский и др.

Утилитарные оценки как один из видов оценки в семантике были выделены Х. фон Вригтом, изучавшим употребление английского прилагательного *good* и его антонимов. По его мнению, утилитарная оценка основана на выборе того, что может быть полезным или благоприятствовать выполнению некоторой задачи¹. Как категория языка одной стороной утилитарная оценка обращена к мышлению, когнитивной деятельности человека, другой стороной – к его практической деятельности, социальной, культурной реальности. Критерием утилитарной оценки, по мнению Н. Д. Арутюновой², является физическая и психическая польза.

Специфика утилитарной оценки как частной оценки состоит в том, что в семантике лексических единиц, выражающих частную оценку, наряду с оценочным значением, сохраняется, как правило, и дескриптивный компонент, что позволяет увидеть круг мотивировочных признаков, их изменение в исторической перспективе, отражающее формирование понятия – в данном случае – «вред». Отрицательную утилитарную оценку в языке представляет лексико-семантическое поле «Вред». Культурная значимость утилитарной оценки как разновидности рациональной оценки (наряду с нормативной и телеологической) обуславливает **актуальность** исследования мотивационной структуры, представляющей эту оценку в лексико-семантическом поле.

Актуальность данного исследования обусловлена и заявленным аспектом исследования, соответствующим тенденции современного языкознания рассматривать объект в контексте его синхронных и диахронных связей с приоритетом внутренней реконструкции, направленной в данном случае на выявление структурно-семантических и мотивационных отношений в лексико-семантическом поле. Актуальность работы также связана с когнитивной ориентированностью исследования структуры лексико-семантического поля: реконструкция

---

¹ Вендлер З. О. О слове *good* / З. О. Вендлер // Новое в зарубежное лингвистике : лингвистическая семантика. Вып. X. – М.: Прогресс, 1981. – С. 531–554.

² Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – С. 75-76..

мотивационной структуры лексики утилитарной оценки позволяет увидеть прагматическую оценку как историко-культурный феномен, представить особенности формирования культурно значимого фрагмента картины мира народа.

Объектом исследования являются единицы, представляющие лексико-семантическое поле «Вред» в русском языке (в литературном языке и в диалектах).

Предмет исследования – функционально-семантические особенности единиц лексико-семантического поля, их внутренняя форма, структурно-семантические и мотивационные отношения.

Цель работы – выявить структурно-семантические и мотивационные отношения в лексико-семантическом поле «Вред» с учетом общенационального и обусловленного мировидением носителей литературного языка и диалектов.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**.

1. Определить состав лексико-семантического поля (ЛСП) «Вред» в литературном русском языке, опираясь на данные синонимических и толковых словарей.

2. Определить состав ЛСП «Вред» на материале диалектов русского языка методом сплошной выборки из Словаря русских народных говоров.

3. Провести анализ семантической структуры и системных отношений (прежде всего деривационных и парадигматических) лексем, включенных в ЛСП «Вред» в литературном языке и диалектах, определить семантическую структуру в литературном и диалектном вариантах поля.

4. Охарактеризовать мотивационные отношения лексем ЛСП «Вред» и представить модели номинации в литературном языке и диалектах русского языка.

5. Сопоставить структурно-семантические и мотивационные характеристики ЛСП «Вред» в литературном русском языке и диалектах с точки зрения выражения общенационального и обусловленного мировидением носителей литературного языка и диалектов.

Лексикографические источники диссертационного исследования:

– толковые словари современного русского литературного языка (Большой академический словарь русского языка, 2004–2014 (БАС); Словарь русского языка, 1981–1984 (МАС); Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова, 1994; Словарь живого великорусского языка В. И. Даля); данные Национального корпуса русского языка;

– синонимические словари современного русского языка под ред. А. П. Евгеньевой, 1970, З.Е. Александровой, 1986; К.С. Горбачевича, 2005; Новый объяснительный словарь синонимов русского языка по ред. Ю. Д. Апресяна (НОСС), 2003;

– диалектные словари русского языка: Словарь русских народных говоров, 1968-2018

(СРНГ); Словарь русских говоров Сибири, 1992–2006 (СРГС); Псковский областной словарь, 1967–2009 (ПОС); Архангельский областной словарь, 1986–2013 (АОС); Опыт областного великорусского словаря, 1852 (Опыт); Новгородский областной словарь, 2010 (НОС); Большой толковый словарь донского казачества, 2003 (БТСДонКаз); Краткий ярославский областной словарь, 1961 (КЯОС) и др.;

– этимологические словари (П. Я. Черных, 1999; М. Фасмер, 1986; Этимологический словарь славянских языков, 1974–2017; Български етимологичен речник, 1971–2002; Skok, 1971–1973 и др.);

– исторические словари русского языка (Материалы для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского, Словарь русского языка XI–XVII вв., 1975–2017).

Сбор материала литературного языка проведен по данным синонимических словарей и через анализ дефиниций этой лексики в толковых словарях, материал диалектов собирался методом сплошной выборки из Словаря русских народных говоров (СРНГ, 49 выпусков) с добавлением материала из Словаря В. И. Даля и некоторых диалектных словарей, данные которых не учтены в СРНГ.

Объем проанализированного материала составил более 800 лексических единиц русского языка (из них около 200 единиц русского литературного языка и более 600 диалектных единиц).

История вопроса. За последние десятилетия защищено несколько диссертаций, освещающих с разных сторон проблемы утилитарной оценки (Хорошунова И. В., Погорелова С. Д., Азылбекова Г. О., Савельева Е. А.)³. Эти работы отличаются от данного исследования как материалом (выполнены на материале только литературного языка), так и аспектами исследования.

Теоретическая база исследования – работы ученых по актуальным для темы направлениям:

1. общая и утилитарная оценка: Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, А. А. Ивин, А. Ф. Журавлев, Л. А. Сергеева, В. Н. Телия, С. Ф. Анисимов, С. С. Ваулина, З.И. Резанова,

---

³ Хорошунова И. В. Семантические процессы в лексико-семантическом поле (на материале лексико-семантического поля утилитарной оценки «ПОЛЬЗА / ВРЕД»): дис. ... канд. филол. наук / И. В. Хорошунова. – Воронеж, 2002. – 344 с.; Погорелова С. Д. Сопоставительное исследование лексики утилитарной оценки в русском и английском языках (по материалам лексикографии): дис. ... канд. филол. наук / С. Д. Погорелова. – Екатеринбург, 2002. – 238 с.; Азылбекова Г. О. Семантико-прагматические особенности утилитарной оценки (на материале русского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук / Г. О. Азылбекова. – Тобольск, 2011. – 205 с.; Савельева Е. А. Концептуализация утилитарных оценок *полезный / вредный* в русском языке: дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Савельева. – Омск, 2014. – 211 с.

З. К. Темиргазина, В. И. Шаховский и др.;

2. лексико-семантическое поле: Г. С. Щур, Ф. П. Филин, Ю. Н. Караулов, А. А. Уфимцева, Л. А. Новиков, И. М. Кобозева, Л. М. Васильев, О. Н. Трубачев, Ж. Ж. Варбот и др.;

3. мотивационные отношения, внутренняя форма слова: А. А. Потебня, В. В. Виноградов, О. Н. Трубачев, В. В. Колесов, Ж. Ж. Варбот, С. М. Толстая, Н. Ф. Алефиренко, О. И. Блинова, Н. Д. Голев, Е. Г. Беляевская, В. Г. Варина, А. Д. Жакупова и др.

4. Языковая картина мира: А. Вежбицкая, Г.В. Колшанский, Е.С. Кубрякова, О.А. Корнилов, А.А. Уфимцева, Т.В. Цивьян, Е.С. Яковлева, Ж.Ж. Варбот, С.М. Толстая, М. Э. Рут, Е. Л. Березович, Т.А. Демешкина, Е.В. Иванцова, Л.А. Инютина, Г.В. Калиткина, З.И. Резанова, Н.А. Мишанкина, Е.А. Оглезнева, И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер и др.),

5. методика синхроническо-диахронического анализа: В. Барнет, О.Н. Трубачев, Ж.Ж. Варбот, В.Г. Варина, Л.П. Дронова и др.

Методологическое основание данного исследования предполагает прежде всего обращение к проблематике двух направлений лингвистического анализа: проблематике лексико-семантического поля и проблематике мотивационного анализа. При существующей значительной разработанности и описанности лексики литературного языка и диалектов в формате лексико-семантических полей оказалось, что нет конкретных исследований, сопоставляющих лексико-семантические поля в литературном языке и диалектах как системно-структурные образования. Соответственно, нет предшественников данного исследования в теоретическом осмыслении этого аспекта проблематики лексико-семантического поля (есть ли специфика в системно-структурной организации поля в литературном языке и диалектах? если она есть, то от чего это зависит? и под.). Это направление исследования лексики литературного языка и диалектов представлено только в работах Е. А. Нефедовой в связи с проблемой региональных вариантов русской национальной картины мира (2008 и др.), где с литературным сопоставляется лексико-семантическое поле одного говора. Синхронный мотивационный анализ в работе частично дополнен диахронным, историко-этимологическим анализом, вследствие того, что ядро рассматриваемого поля имеет значительную историческую глубину формирования. Соответственно, анализ мотивационных отношений проведен в основном в рамках словообразовательных гнезд, а для лексики центральной части поля – в составе словообразовательно-этимологических гнезд. В ситуации, когда в части субполя «Вред для здоровья субъекта» («Вред для здоровья субъекта в результате использования колдовства, магии») оказалась не представлена лексема *веред/вред* (ядерная для поля в литературном языке и большей части поля в диалектах) была предложена методика определения ядра по субполям.

Кроме того, исходя из специфики анализируемого материала, необходимо было обращаться и к вопросам исследования оценочной лексики как отдельной области в составе языка, обладающей специфическими семантическими характеристиками.

Вследствие всего вышесказанного предлагаемая работа строится на сочетании нескольких подходов к изучению фактов языка – на использовании приемов разных **лингвистических методов**: выявление системных отношений слов, входящих в лексико-семантическое поле «Вред» в литературном языке и диалектах, предполагает использование приемов описательного и структурного метода; выявление мотивационных признаков и на их основе моделей номинации требует привлечения ареального и – в случае неясной внутренней формы – сравнительно-исторического подхода; определение различий в мотивационной характеристике носителей двух вариантов функционирования национального русского языка связано с культурологическим аспектом анализа.

Лексико-семантическое поле рассматривается как системное представление понятия, структура которого изоморфна понятийной структуре (И. М. Кобозева и др.). Данная работа исходит из указанного понимания лексико-семантического поля (семантического поля). Мотивационный анализ поля позволяет определить признаки предметов и явлений, выделяемых в сознании этноса, что дает возможность выйти на проблему языковой картины мира.

Новизна работы состоит в том, что впервые эксплицитно представлен фрагмент языковой картины мира, связанный с понятием «вред», не исследовавшийся ранее на диалектном материале, показана степень его вариативности в пределах национального языка. Впервые выявлены структурно-семантическая характеристика и мотивационные модели лексико-семантического поля, выражающие формирование и существование общего и особенного в представлениях об отрицательной утилитарной оценке носителей литературного языка и диалектов. Дополнение синхронного подхода при анализе мотивационных отношений диахронным (словообразовательно-этимологический анализ) позволило выявить степень устойчивости мотивационных установок этноса (с праславянского периода) и степень исторической вариативности в формировании понятия «вред». Новизна исследования заключается в предложенном решении проблемы внутреннего структурирования поля в диалектах в условиях отсутствия единого для субполей ядра.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что исследованы мотивационные особенности лексических единиц, отражающих когнитивные связи в сознании носителей языка в представлении о вреде и вредном. Проведенное в работе разграничение мотивационных отношений синхронии и диахронии демонстрирует возможность решения вопроса о стабильности, об этапах номинационной деятельности этноса, отраженных в конкретном фрагменте языковой картины мира. Выявленные в результате исследования

мотивационные модели, их лексическая представленность показали возможную степень варьирования представления о вреде в среде носителей двух основных субкультур (носителей литературного языка и диалектов). Теоретическая значимость работы состоит и в актуализации теоретической проблемы критериев внутреннего структурирования лексико-семантического поля в диалектах при имеющейся непроработанности в современной отечественной лингвистике проблем структурно-семантического и мотивационного сопоставления полей литературного языка и диалектов.

Полученные результаты актуальны для дальнейшей разработки теории сопоставления лексико-семантических полей и методики мотивационного анализа в лексикологических, этимологических и лингвокультурологических исследованиях.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в практике вузовского преподавания при подготовке курсов по русской лексикологии, диалектологии, сравнительно-историческому языкознанию, этимологии, диалектной лексикографической практике.

Положения, выносимые на защиту.

1. Активная вербализация понятия «вред» как выражения утилитарной оценки средствами литературного языка и русских народных говоров (около 200 и 600 единиц в литературном языке и в диалектах соответственно) свидетельствует о его значимости в картине мира носителей языка и этнокультурной нагруженности.

2. Различие в представленности поля «Вред» в литературном языке и диалектах заключается в большей детализации семантического пространства поля в диалектах; отмечены значительные зоны пересечения единиц поля в диалектах с разговорной и просторечной лексикой. Большая часть лексического состава исследуемого поля в диалектах не совпадает с аналогичными единицами в литературном языке только по отдельным параметрам (фонетическим, словообразовательным, семантическим особенностям). Собственно диалектная лексика составляет около 20%.

3. Выявленные модели номинации понятия «вред» образуют систему абстрактных идей («убыль», «нарушение целостности», «изменение исходного состояния в худшую сторону» и др.), реализующихся через конкретные мотивационные модели, объединяющие на основе одного мотивационного признака целый ряд номинативных единиц.

4. В лексико-семантическом поле «Вред» представлено восемь мотивационных моделей, различающихся в литературном языке и диалектах лексической представленностью субполей: (1) «действие / нечто, разрушающее целостность субъекта / объекта», 2) «действие / нечто, нарушающее / меняющее исходное состояние субъекта / объекта», 3) «действие, имеющее результатом нечто чрезмерно малое, неполноценное по оценке субъекта», 4) «действие,

совершенное (сознательно или незоснательно) наоборот, вопреки, препятствовать, создавая помехи», 5) «магическое действие, приводящее субъекта в болезненное, неестественное состояние дурным глазом», 6) «действие, направленное на то, чтобы портить, осквернив, изгадив; издеваясь», 7) «действие, направленное к определенной цели, с сознательно или незоснательно получаемым отрицательным для объекта результатом», 8) «интенсивное действие, наносящее вред».

5. Три первые мотивационные модели соотносительны в литературном и диалектах по номинативной активности. Мотивационная модель «вред / вредный / вредить» ← «магическое действие, приводящее субъекта в болезненное, неестественное состояние дурным глазом», реализующаяся в 4 вариантах («вред, нанесенный 1) взглядом (дурным глазом), 2) взглядом с удивлением, оханьем, похвалой, 3) словом, наговором, 4) специальным действием (ритуалом), мысленным посылом»), в диалектах значительно превосходит по количеству единиц и семантической детализированности аналогичную модель в литературном языке.

6. Лексико-семантическое поле «Вред» имеет большую историческую глубину формирования и характеризуется стабильностью в его моделировании с праславянского периода: ядерная часть поля унаследована из праславянского и для нее реконструированы модели номинации, наиболее значимые и в современном поле «Вред» («действие / нечто, разрушающее целостность субъекта» (вред / веред, вередить / вредить) и «действие / нечто, нарушающее / меняющее исходное состояние субъекта / объекта» (портить, порча).

7. В литературном языке и диалектах поле «Вред» членится на единый набор субполей («вред для здоровья субъекта», «вред для материального состояния субъекта», «вред для жизни субъекта и общества (в целом)'), что свидетельствует о принципиальном сходстве рассматриваемого фрагмента картины мира в национальном сознании. Но различие, наблюдаемое во внутреннем структурировании поля на ядро и периферию (ядерная лексем *веред/вред* и ее производные практически отсутствуют в части субполя «Вред для здоровья» («Вред для здоровья в результате использования колдовства, магии»), позволяет предположить сохранение в традиционной культуре следов исходной дифференциации представлений о вреде с двумя разными зонами референции: вред для здоровья субъекта, причиняемый болезнью, ранением, повреждением, и вред для здоровья, полученный в результате использования колдовства, магии. В среде носителей литературного языка подобная дифференциация утратилась.

Степень достоверности результатов исследования определяется значительным объемом проанализированного лексического материала (около 850 единиц); использованием адекватных поставленным целям и задачам методологических установок и методик анализа, позволившим осуществить сопоставительный структурно-семантический и мотивационный

анализ лексико-семантического поля «Вред» на материале литературного языка и диалектов; привлечением трудов по общей и частной оценке, семантике, по проблемам мотивологии, лексико-семантического поля, связанных с проблематикой исследования.

Апробация работы. Основные положения и результаты по теме диссертации обсуждались на семинарах кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии НИ ТГУ; изложены в докладах на III (XVII) Международной научно-практической конференции молодых учёных «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 18-23 апреля 2016 г.), IV (XVIII) Международной научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 20-22 апреля 2017 г.), V (XIX) Международной научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 19-21 апреля 2018 г.).

По материалам исследования опубликовано 4 статьи в изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** излагаются актуальность темы исследования, объект и предмет анализа, цель и задачи, описываются лексикографические источники сбора материала, характеризуются история вопроса, теоретическая база исследования, методы, новизна исследования, теоретическая и практическая значимость работы и положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Проблемы методологии современного исследования лексико-мотивационных отношений»** рассматриваются основные теоретические понятия работы.

В **разделе 1.1. «Оценочность, оценка. Утилитарная оценка как частная оценка и ее специфика»** определяется соотношение понятий «ценность» и «оценка»: ценность реализуется, проявляется в оценке. При их тесной взаимосвязи они не тождественны. Оценка может быть и положительной, и отрицательной, ценность – только положительной. Оценка связана с интерпретирующей функцией языка, она свела в едином фокусе знания о мире, социальные стереотипы, личностные предпочтения и вкусы, цели речевых актов и многое другое. В частной оценке, в отличие от общей оценки, наряду с оценочным смыслом присутствует и дескриптивный. Вследствие этого лексика, выражающая отрицательный полюс частной утилитарной оценки, может быть рассмотрена с точки зрения отражения в ней дескриптивных (мотивационных) признаков, моделей номинации.

В разделе 1.2 «Лексико-семантическое поле как единица описания лексики» рассматривается современное толкование термина «лексико-семантическое поле» (ЛСП), предполагающее, что лексика языка – это система словесных полей, имеющих центр и периферию, изоморфных полевой структуре выражаемых ими понятий. В связи с этим ЛСП представляется эффективным инструментом при решении задач представления языковой картины мира (ЯКМ) на лексическом уровне языка.

В разделе 1.3 «Мотивационные отношения и языковая картина мира» обсуждаются принятые в современной лингвистике толкования понятий «мотивационные отношения», «внутренняя форма слова», «мотивировочный признак», «мотивационная модель», «языковая картина мира».

Опора на теоретические положения современного исследования мотивационных отношений в рамках лексико-семантического поля на материале лексики отрицательного полюса утилитарной оценки, на разграничение в анализе мотивационных отношений синхронного и диахронного подходов позволяет при сопоставлении материала литературного языка и диалектов представить фрагмент языковой картины мира, отражающий историческую вариативность национального русского сознания, – в данном случае выявить то общее и различное в структурировании понятия «вред», что есть у носителей литературного языка и диалектов.

Вторая глава «Лексико-семантическое поле «Вред» в русском литературном языке: семантическая и мотивационная структура» посвящена определению состава поля, его структуры, мотивационной характеристике лексических средств выражения понятия «вред» в русском литературном языке.

В соответствии с задачами основное содержание главы распределяется между двумя разделами – **2.1 «Семантическая структура поля «Вред» в русском литературном языке»** и **2.2 «Мотивационная характеристика поля «Вред» в русском литературном языке»**.

В параграфе **2.1.1 «Границы лексико-семантического поля «Вред» в русском литературном языке»** рассматривается проблема установления границ ЛСП «Вред», определения семантической структуры поля (выделение субполей, определения ядерной и околоядерной зоны поля, ближней и дальней периферии).

На шкале утилитарной оценки выделяются два полюса: «полезный» – «вредный», промежуточное положение занимают понятия «бесполезный» и «безвредный». Это смежные, но разные понятия. В соответствии с задачей исследования привлекалась для анализа только лексика, выражающая понятие «вред/вредное», и не включалась лексика, выражающая отрицательную утилитарную оценку, соотносящаяся с понятием «бесполезный», «безвредный» (ср. *ненужный, бесполезный, неподходящий, напрасный, лишний, излишний, никчемный;*

безуспешный, тщетный, безрезультатный, бесплодный, зряшный), то есть прямо с понятием «вред» не связанная (нечто бесполезное не обязательно есть вредное).

Максимально полно понятие «вред» как признак представляет прилагательное *вредный*, как субстанцию – существительное *вред*, процесс, действие – глагол *вредит*. Анализ определений этих лексем в толковых словарях (Ушаков, МАС, БАС) позволяет сделать вывод, что понятие «вред» имеет непростую структуру и можно выделить следующие его понятийные признаки (компоненты): вредное как 1) «нечто, отрицательно влияющее на здоровье субъекта», 2) «нечто, отрицательно влияющее на материальное состояние субъекта», 3) «нечто, отрицательно влияющее на жизнь субъекта и общества (в целом)» (это та лексика, в семантике которой не актуально различение вреда для здоровья и для материального состояния). Структура понятия выражается разными по объему семантики лексемами, поэтому одна и та же лексема может выражать разные аспекты понятия в зависимости от зоны референции, что проявляется в конкретной сочетаемости лексем, в контекстах. Структура понятия определяет и структуру языкового поля – ядро и три субполя: «вред для здоровья субъекта», «вред для материального состояния субъекта», «вред для жизни субъекта и общества (в целом)».

В лексической системе языка нет четких, однозначно выделяемых границ между отдельными лексико-семантическими полями. Это относится и к определению границ ЛСП «Вред». Лексика, синонимичная для выражения понятия «вред», выбиралась с помощью синонимических словарей и анализа дефиниций этих лексем в толковых и синонимических словарях литературного русского языка. С точки зрения градуального представления признака вредности крайней точкой на периферии поля, с одной стороны, будет лексема *опасный* ('способный причинить большое зло, несчастье, нанести какой-л. ущерб, урон', 'способный причинить вред кому-л., доставить неприятности') как обозначающая потенциально нечто весьма вредное, с другой стороны, лексемы *губительный, гибельный, пагубный, погубительный* как обозначающие предел вредного – гибель, уничтожение, разрушение. Таким образом, факты языка показывают взаимодействие понятий «вред» и «опасность», «уничтожение». Особенно зыбкой оказывается граница между полем «Вред» и «Уничтожение / гибель», поскольку различие в семантике единиц того и другого поля количественное: крайняя степень вреда – гибель, разрушение, уничтожение.

Большая группа глаголов деструктивного действия, в семантике которых эксплицитно не выражена семантика вреда, не включалась в рассматриваемое лексико-семантическое поле (ломать можно и старое ненужное строение и ломать все подряд, причиняя ущерб).

В параграфе **2.1.2 «Ядерная и околоядерная зона ЛСП «Вред» в русском литературном языке»** рассматривается ядро поля, которое представляет лексема *вред* 'порча, ущерб', ее ближайшие производные *вредит* 'причинять вред, наносить ущерб кому-л., чему-

л.', *вредный* 'причиняющий, способный причинить вред' и глагол *портить*, околядерная зона представлена лексемами *ущерб*, *убыток*. Этот вывод поддерживается данными в литературном русском языке национального корпуса русского языка (выборка на 100 лексем): употребления со значением 'вред для здоровья' для лексемы *вред* составляют 45% (по отношению к употреблением в других значениях), для *вредный* – 30%, для *вредить* – 42%, для *ущерб* – 14%, для *портить* – 13%; употребления со значением 'материальный вред' для *вред* – 36%, для *вредный* – 17%, для *вредить* – 36%, для *ущерб* – 46%, для *портить* – 26%, для *убыток* – 86%; употребления со значением 'общий вред' для *вред* – 18%, для *вредный* – 53%, для *вредить* – 20%, для *ущерб* – 15% (в *ущерб кому-чему-л.* – 20%), для *убыток* – 14%, для *портить* – 8% (*портить картину, вид, впечатление и т.п.* – 40%)⁴.

Эти статистические данные НКРЯ и дефиниции лексем *вред* и *ущерб* в лексикографических источниках XX века (где они объясняются одна через другую), сочетаемость и частотность употребления лексем приводят к выводу, что понятие вреда как ущерба для здоровья субъекта и вреда как ущерба для материального состояния субъекта относительно равно значимы для носителей языка (вред – это порча и ущерб, а порча – это вред / ущерб). Соответственно, в сегментируемом лексическом поле «Вред» выделяются два субполя, а лексемы *вред*, *ущерб* активны для выражения обоих понятийных компонентов – «вред для здоровья субъекта» и «вред для материального состояния субъекта», при этом они сохраняют определенные преимущества в одном из субполей (*вред* в субполе «вред для здоровья субъекта», *ущерб* в субполе «вред для материального состояния субъекта»). Актуальное и наиболее частотное выражение вреда как действия / процесса дает глагол *портить* 'наносить порчу; вред/ущерб'. Логико-семантический анализ позволяет выделить определенное «промежуточное» субполе «вред для жизни субъекта и общества (в целом)». Это те случаи, когда понятие не членится на «вред для здоровья субъекта» и «вред для материального состояния субъекта», когда это членение несущественно, неактуально для носителя языка. Лексическая наполненность этого субполя незначительна по сравнению с двумя другими субполями.

Таким образом, *вред*, *вредный* – это и 'опасный для здоровья, портящий здоровье' (*Вредный цех. Вред от курения*), и 'порча, ущерб (материальный)' (*Станцию бомбили немцы, но особого вреда не принесли*), и 'вред для жизни субъекта и общества (в целом)' (*Я человек добрый, незлобивый, ко вреду ближнего неспособный. Вредное учение. Вредное направление*

---

⁴ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 26.04 2018).

ума); *портить* – это и ‘причинять вред, расстраивать, приводить в болезненное состояние’ (*Портить здоровье. Портить зрение, желудок*), ‘приводить в негодность, в неисправное состояние’ (*Портить механизм*), ‘делать скверным, неприятным, ухудшать’ (*Портить праздник. Портить впечатление. Портить репутацию. Портить карьеру*), ‘оказывать дурное, развращающее влияние на кого-, что-л.’ ([Уланбекова:] *Холостая жизнь ужасно портит молодых людей*).

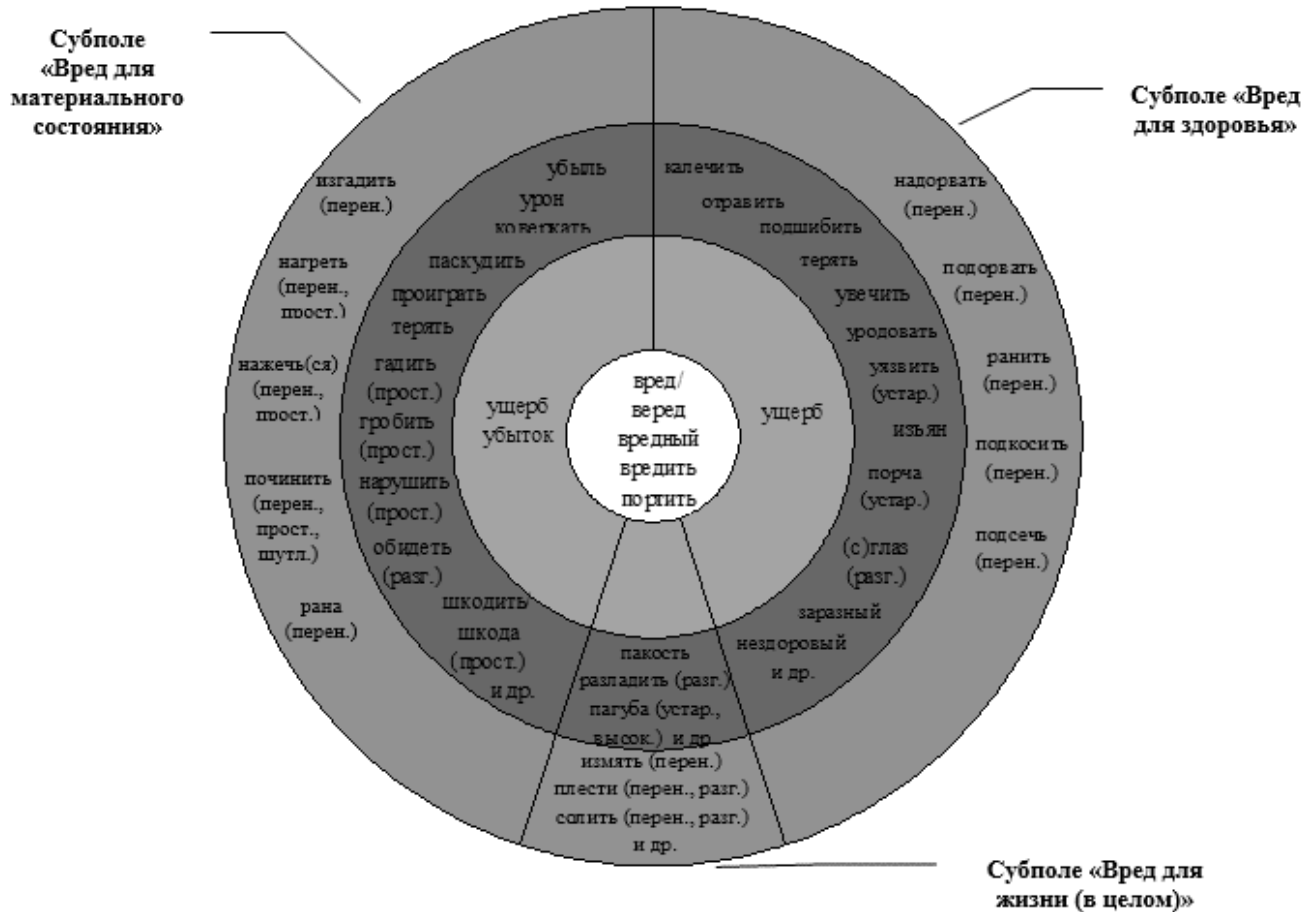
Включаемая в околядерную зону лексема *убыток* ‘материальный ущерб, потеря’ представляет только два аспекта понятия «вред» – «материальный вред» и «вред для жизни субъекта и общества (в целом)», но в основном «материальный вред». Насколько активно употребляется слово *убыток*, свидетельствует то, что при истолковании других лексем, связанных с понятием «вред», эта лексема дается в паре с *ущерб*.

К принятому решению склоняют и данные частотных словарей (Частотный словарь русского языка под ред Л.Н. Засориной, 1977; Новый частотный словарь русской лексики, созданный на материале Национального корпуса русского языка, 2009). Частотные словари показывают активность рассматриваемых лексем для выражения понятия «вред» и в отдельных значениях, и в целом, что позволяют соотнести активность употребления наиболее близких по значению слов между собой.

В параграфе **2.1.3 «Периферия семантической структуры субполей ЛСП «Вред», ее лексическая представленность в русском литературном языке»** выделены три субполя: субполе «Вред для здоровья субъекта»; субполе «Вред для материального состояния субъекта»; субполе «Вред для жизни субъекта и общества (в целом)». Периферийная часть поля разделена на ближнюю и дальнюю периферию: к ближней периферии отнесена лексика, для которой значение ‘вред’ прямое, к дальней – та, для которой это переносное значение (исходя из данных толковых словарей, разграничивающих прямое и переносное значения). На ближней периферии разграничивается также лексика общеупотребительная и разговорная, просторечная, устаревшая.

В целом лексико-семантическое поле представляют в литературном языке около 200 лексем. Следует отметить, что одна лексема способна выражать больше, чем один аспект понятия, а следовательно, она может быть отнесена к разным субполям. Лексическая наполненность трех субполей представлена следующим образом: в субполе «Вред для здоровья субъекта» входит около 100 слов, в субполе «Вред для материального состояния субъекта» – около 90 слов, «Вред до жизни субъекта и общества (в целом)» – около 60 слов (в целом около 250 лексических единиц). Поле представлено в основном исконно русской / славянской лексикой (за редким исключением: *изъян, шкода, травма, компрометировать*).

Рисунок 1 – Семантическая структура поля «Вред» в литературном языке

Во втором разделе «**Мотивационная характеристика поля «Вред» в русском литературном языке**» выделены параграф 2.2.1 «**Мотивационные отношения лексики ядра и околоядерной зоны ЛСП «Вред» в русском литературном языке**» и параграф 2.2.2 «**Мотивационные отношения в лексике периферии ЛСП «Вред» в русском литературном языке**».

Мотивационные связи лексических единиц отражают существующие в сознании носителей языка связи между явлениями окружающей действительности, и, следовательно, выявление мотивов номинации несет ценную информацию о ментальном мире человека, картине мира этноса. Более надежное представление этноса о мире определяет «ближняя» мотивация, реализованная в последнем словообразовательном акте, создавшем слово, определяющем его значение (О.И. Блинова, Н.Д. Голев, Ж.Ж. Варбот, Е.Л. Березович, М.Э. Рут, С.А. Мельникова и др.). Это относится к словам производным, с «прозрачной» внутренней формой, с осознаваемым носителем языка мотивировочным признаком. В исследованном

лексико-семантическом поле подавляющее большинство лексики является производной, и значительная ее часть имеет прозрачную внутреннюю форму. Это синонимы к ядерной единице поля – к слову *вред*, которые называют отдельные аспекты понятия «вред», структурируют понятие в языке (*ущерб, урон, убыток, изъян, наклад, сглаз* и др.).

Иначе обстоит дело с лексемами неясной внутренней формы, с непроявленным мотивировочным признаком (*вред, портить, пакость* и др.). Исторический анализ непроизводной лексики, сосредоточенной в центральной части поля, показал, что наибольшая историческая глубина формирования представления о вреде, восходящая к праславянскому, выявлена у мотивировочных признаков «действие/нечто, разрушающее целостность субъекта» (**вред / *веред, *вередить / *вредить*), «действие/нечто, нарушающее / меняющее исходное состояние субъекта/объекта» (**портить, *порча*). Достаточно глубокие исторические корни показывает и третья мотивационная модель «действие, имеющее результатом нечто чрезмерно малое/большое, неполноценное / плохое по оценке для субъекта»: имеющая наибольшую глубину генетических связей лексема *наскудить*, представляющая эту мотивационную модель, входит в состав восточно-, западнославянской изоглоссы.

Эти три мотивационные модели оказались и наиболее активно реализуемыми и широко представленными в литературном языке (ок. 200 лексем), в то время как пять других выявленных моделей значительно менее продуктивны: около 30 лексем представляют такие мотивационные модели, как модель «действие, совершенное (сознательно или неосознательно) наоборот, вопреки, препятствовать, создавая помехи», модель «магическое действие, приводящее субъекта в болезненное, неестественное состояние дурным глазом», модель «действие, направленное на то, чтобы портить осквернив, изгадив; издеваясь», модель «действие, направленное к определенной цели, с сознательно или неосознательно получаемым отрицательным для объекта результатом», модель «интенсивное действие, наносящее вред».

Таким образом, анализ и современных, и реконструированных мотивационных отношений в ЛСП «Вред» показывает значительную степень преемственности в культуре, сознании русского народа, той его части, которая представляет носителей литературного языка (с учетом разговорной и просторечной лексики), в формировании понятия «вред», его понятийных компонентов.

В третьей главе «Лексико-семантическое поле «Вред» в диалектах русского языка: семантическая и мотивационная структура» границы, состав ЛСП «Вред» в лексической системе диалектов определялись методом анализа дефиниций лексики, полученной сплошной выборкой из опубликованных выпусков Словаря русских народных говоров (49 выпусков). Материал, его характеристика дополнялись, уточнялись и по другим словарям диалектной лексики. Следует отметить трудности в исследовании, связанные со сбором материала, его

квалификацией было, так как в русской лексикографии не представлены синонимические и частотные словари диалектной лексики, при этом лексемы часто приводятся без контекстов, контексты не всегда в достаточной мере информативны для исследования.

Данная глава включает в себя два раздела. В первом разделе **3.1 «Семантическая структура поля «Вред» в диалектах русского языка»** выделены три субполя (аналогичные полям в литературном языке): «Вред для здоровья субъекта», «Вред для материального состояния субъекта» и «Вред до жизни субъекта и общества (в целом)». Отличия от литературного языка касаются выделения ядра-периферии поля, лексической представленности субполей. Они обусловлены в основном спецификой диалектного лексического континуума как системы многих лексических подсистем, территориально ограниченных вариантов общей диалектной системы национального языка. Это различие определяется степенью лексикографической проработки лексики диалектов – отсутствием частотных и синонимических словарей отдельных диалектов, где для синонимического ряда выделяется доминанта, а также отсутствием лексикологических работ, системно анализирующих явление изоэмии в диалектах. Вследствие этого критерием выделения ядерной, доминантной, части субполя выбрано наличие в семантической структуре лексем и ее дериватов разноаспектного выражения понятия «вред» и широта представленности соответствующего словообразовательного гнезда в разных диалектных зонах. По этим критериям оказалось невозможно определить однозначно ядро поля, поэтому выделялась ядерная часть в пределах каждого субполя с тем же гиперонимом. В результате ядро исследуемого поля имеет более сложную структуру, чем в литературном языке. Кроме того, из-за представленности в субполе «Вред для здоровья субъекта» двух разных способов дифференциации этой лексики в сознании носителей традиционной культуры и многочисленности этой лексики (более 200 лексем) это субполе разделено на две части – «лексика, обозначающая вред для здоровья в результате болезни, нанесения телесного повреждения» (1), и «лексика, обозначающая вред для здоровья в результате использования магии» (2).

Вера в магическую силу взгляда в традиционной культуре была чрезвычайно велика, что выразилось в существовании в диалектах значительного числа лексики со значением ‘причинять вред кому-л. дурным глазом’. Лексика с этими значениями представляет собой разнокорневые образования от глаголов со значением ‘смотреть’, неизвестные в литературном языке. Это прежде всего производные от корней *гляд-*, *-зор-*, *зев-*, *зеп-* (*огля́д*, *погля́дка*, *перегля́нуть*, *призо́р*, *спризо́рить*, *обизо́рить*; *озева́ть*, *озев/озе́в*, *озепа́ть*, *озепа́ть*, *озе́п*, *озе́п* и др.). Лексические единицы с корнем *зеп-* обозначают также причинение вреда злым помыслом, завистью (костром., яросл., нижегор. и др. *озепа́ть*, *озе́пать* ‘испортить злым помыслом, сглазить’) и могут иметь, наряду со значением ‘сглазить’, значения ‘кричать’, ‘зевать’ (влад.

зѣпать, зѣпать ‘зевать’, калуж. *зѣпнуть* ‘крикнуть’). Подобные особенности в семантике свойственны и производным от корня *зев-* (арх., вят., костром. и др. *озевать* ‘сглазить’). Значения ‘смотреть, разинув рот’, ‘кричать’, ‘зевать’ объединяет общее значение ‘действие с широко раскрытым ртом’, являющееся синкретичным, а по отношению к значению ‘смотреть’ – смежным. Такое соотношение значений подтверждают др.-рус. (с XII в.) *зияти, зияю* ‘раскрываться, зиять’, ‘раскрывать рот, расширять зев, пасть’, ‘зевать’, ‘пожирать глазами с гневом и завистью’; генетическая связь *зѣпать* с *зевать, зиять, зинуть, зяпать* ‘орать во всю глотку’, ‘широко разевать рот’, как предполагают авторы этимологических словарей (М. Фасмер, П. Я. Черных).

В диалектах обнаружилось большое количество лексики со значением ‘сглаз, сглазить, навести порчу’, производной от лексем со значением ‘говорить, кричать, судить’. Большой частью это слова с корнями *рек-, рок-, говор-, зык-, -суд-* (*урок, урочить, врѣк, врѣковать, уречить, оговорить, озык, озыкать, осуд, пересуд* и др.). Связь с исторически исходным значением ‘говорить/речь’ в этой лексике утрачена и обобщающим «родовым» значением, , выступает значение ‘сглазить / сглаз’ как синоним выражения *навести порчу*.

В ядро части субполя **«Вред для здоровья субъекта, причиняемый болезнью, ранением, повреждением»** включены лексемы *вѣред/вред, вѣредить/вредить* и их производные, а в околядерную зону – *портить* и производные, образования от *век-/веч-* (*увѣковать, безвѣчить, безвѣчье* и т.п.). В ядро части субполя **«Вред для здоровья в результате использования колдовства, магии»** отнесены единицы *пѣрча, пѣртить, (с)глаз, (с)глазить, (из)урочить, урок* и их производные; в околядерную зону – производные с корнем *рек-* (*врѣковать, врѣковать, врѣк* и др.), производные корня *зев-* и *зеп-* (*озевать, озѣпать* и др.). Обращает на себя внимание неактуальность в этом субполе лексемы *вѣред/вред* и ее производных. В субполе «Вред для материального состояния субъекта» ядро представлено лексемами *вѣред / вред, вѣредить/вредить, убыть, убыток, пакость, пакостить*; околядерная часть поля – *пѣртить, зорить, урон, изъян, (с)прокудить*. В сравнительно небольшом субполе «Вред для жизни субъекта и общества (в целом)» выделена только ядерная часть – *вѣред/вред, портить*.

Лексико-семантическое поле «Вред» в диалектах значительно превосходит такое поле в литературном языке (около 650 слов и 200 единиц). В нем выделяются те же субполя, что в литературном языке, соотношение наполняемости субполей аналогичное: отмечается некоторое преимущество субполя «Вред для здоровья субъекта» (около 290 слов) по сравнению с субполем «Вред для материального состояния субъекта» (около 270 слов) и значительное количественное превосходство этих двух субполей по сравнению с третьим – «Вред для жизни субъекта и общества (в целом)» (около 65 слов).

Сопоставление лексики поля в литературном языке и в диалектах показало близость значительной части лексики диалектов с разговорной и просторечной лексикой, что закономерно как следствие тесного взаимодействия двух культурных страт – носителей литературного языка и диалектов. Собственно диалектной лексики, не совпадающей в корневой части слова с литературной, разговорной, просторечной, насчитывается около 20%.

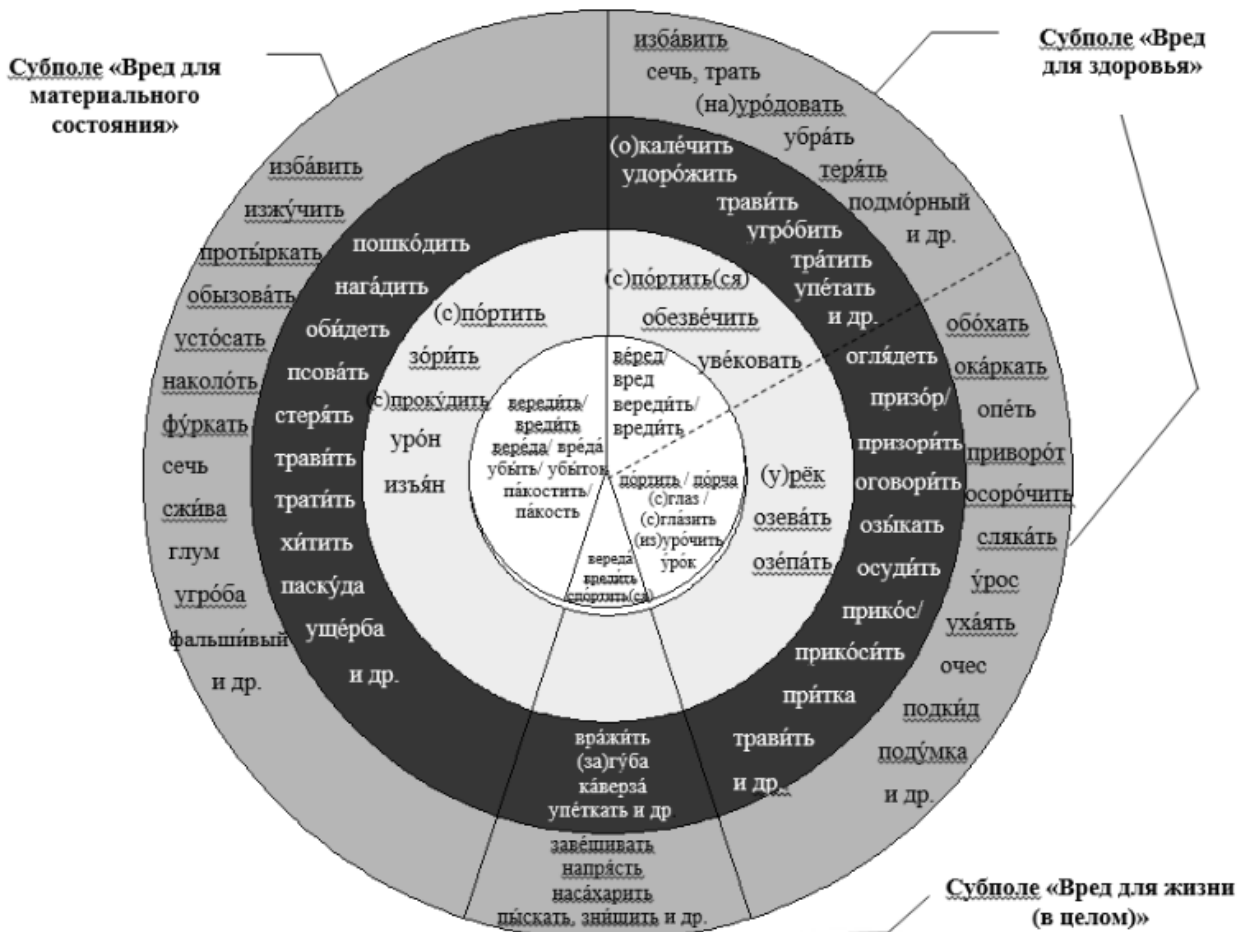

Рисунок 2 – Семантическая структура поля «Вред» в диалектах русского языка

Второй раздел 3.2 «Мотивационная характеристика поля «Вред» в диалектах русского языка» состоит из параграфа 3.2.1 «Мотивационные отношения лексики ядра и околоядерной зоны в диалектах русского языка», параграфа 3.2.2 «Мотивационные отношения лексики периферии ЛСП «Вред» в диалектах русского языка», параграфа 3.2.3 «Мотивационная структура ЛСП «Вред» в диалектах»

Все лексемы, входящие в ядро отдельных субполей и включенные в ядро поля, за исключением *урок*, *урочить*, известны в литературном языке и получили мотивационную характеристику во второй главе (параграф 3.2.1). Лексемы *урок*, *урочить* являются производными от корня *рок-* (чередуются с *рек-*, **ректи*) со значением 'говорить'. В данном

случае имеем дело с обозначением словесного действия, направленного определенному адресату, поэтому действия говорить и видеть будут одновременными, что и отразилось в семантике производных от *рок-*: *рек-*, ср. *у́ро́к* ‘сглаз, причинение вреда кому-л. недобрым взглядом (дурным глазом)’ (волог., костр., яросл., вят., оренб. и др.), *обу́рочивание* ‘нанесение вреда заговором; сглаз’ (арх.), *врѣ́к* ‘болезнь или несчастье от колдовства, сглаза, чьих-либо слов и т. п.’ (пск.) и т.п.

Определение мотивировочных отношений в околядерной зоне потребовало исторического анализа еще для ряда лексем. Так, для образований от *рек-*, как и для производных от *зор-*, *зев-*, *зеп-*, определен мотивировочный признак «воздействие словом, наговором» и мотивационная модель «магическое действие, приводящее субъекта в болезненное, неестественное состояние дурным глазом»; для производных от *век-/веч-* (*увѣковать*, *обезвѣчить* и др.) с исходным значением ‘утрачивать (жизненные) силы’ (П.Я. Черных) – модель «нарушать / менять исходное состояние» (ремотивация по отношению к исходному значению). Исторический анализ лексем *проку́да*, (*с*)*проку́дить* выявляет в качестве ее исходного значения ‘колдовство, ворожба; злой дух’ (ср. рус. диал. *куд* ‘злой дух, бес, сатана’ (стар. сев., орл.), *кудь* ‘волхвованье’), но семантика современных диалектных образований, однокорневых с *проку́да*, *проку́дничать* (‘пакостничать, шkodить, вредя другим’), ближе к модели номинации «действие, направленное к определенной цели, с сознательно или несознательно получаемым отрицательным для объекта результатом», то есть наблюдается явление ремотивации. Глагол *зори́ть* вторичен в словообразовательном отношении, возник в результате переразложения первичного глагола *разори́ть* (*разор*). *Разорить*, в свою очередь, произведен от *-орить* (ср. др.-рус. *орити* ‘разрушать’, *оритель* ‘разрушитель’ (М. Фасмер и др.)). Исторически формирование семантики рассмотренных лексем происходило в результате взаимодействия производных гнезда **zoriti/*zariti* ‘рвать, драть’ и **oriti* ‘разрушать’ (> ‘разорять’)⁵, ср. литер. *разорить* ‘ломаю, уничтожая, разрушить, опустошить’ и ‘нанести ущерб материальному благополучию кого-л., довести до нищеты’.

Рассмотрение мотивационных отношений лексики, не входящей в центральную часть субполей включает анализ тех лексем, которые имеют соответствия в литературном языке, прежде всего, лексемы *травить*, ее производных и однокорневых образований. Мотивационные отношения лексики диалектов реализуются в рамках следующих моделей «вред, вредный» ← «действие / нечто, разрушающее целостность субъекта / объекта» (*бить*,

⁵ Варбот Ж.Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. IX. // Этимология. 1980. – М.: Наука, 1982. – С. 30–36.

порешить, досадить и т.д.), «вред, вредный» ← «действие, изменяющее исходное состояние субъекта / объекта в худшую сторону» (*буробить, гибель, зауродить* и т.п.), «вред, вредный» ← «действие, имеющее результатом нечто чрезмерно малое / большое, неполноценное / плохое по оценке субъекта» (*выпол, голыш, накát* и т.п.), «вред, вредить» ← «действие, совершенное наоборот, вопреки; препятствовать, создавая помехи» (*блудить, вражить, кáверзá* и т.п.), «вред, вредить» ← «магическое действие, приводящее субъекта в болезненное, неестественное состояние» (*глаз, сглаз, обóхать, огóлдить, насылать порчу* и т.п.), «вред, вредить» ← «действие, направленное на то, чтобы портить, осквернив, изгадив; издеваясь» (*глумить, нагáдить, позапогáнить* и т.п.), «вред, вредный» ← «действие, направленное к определенной цели, с сознательно или несознательно получаемым отрицательным результатом» (*заикóдить, бедить, окóрм* и т.п.), «вред, вредить» ← «интенсивное действие, наносящее вред» (*жигануть, изварнáчить, наколóть* и т.п.). Ряд единиц находится вне моделей номинации понятия «вред» (параграф 3.2.2)..

В параграфе 3.2.3 «Мотивационная характеристика ЛСП «Вред» в диалектах» представлен анализ мотивационной характеристики лексико-семантического поля «Вред», который позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, количественно и содержательно модели номинации совпадают в литературном и диалектах (8 мотивационных моделей), различие наблюдается в лексической представленности единиц. Во-вторых, совпадают по активности в литературном языке и диалектах первые три мотивационные модели, но, в отличие от литературного языка, в диалектах превосходит по количественной реализации модель «вред / вредный / вредить» ← «магическое действие, приводящее субъекта в болезненное, неестественное состояние дурным глазом» (около 200 ед.), что объясняется сохраняющимися следами язычества (в виде суеверий) у носителей традиционной культуры. В-третьих, историческая глубина формирования представления о вредном в литературном языке и диалектах отличается: в диалектах представлена и архаическая лексика, выделенная через реконструкцию в поле литературного языка, и архаическая лексика, не сохранившаяся в литературном языке (производные от *рек / реч-, рок- / роч, век- / веч-, зев-, зеп-* и др.). Это еще раз подтверждает большую консервативность диалектных систем, в данном случае сохранение специфики более ранних представлений о вреде в истории народа. В-четвертых, лексема *веред/вред* и ее производные, наиболее полно выражающие понятие «вред» в литературном языке и большей части поля в диалектах, по происхождению относящаяся к праславянскому уровню, не представлена во второй части субполя «Вред для здоровья» («Вред для здоровья в результате использования колдовства, магии»). Это позволяет предположить исходное различие в традиционной культуре (соответственно, и в языковом обозначении) двух видов вредного: вред для здоровья субъекта, причиняемый болезнью, ранением, повреждением, и вред для

здоровья в результате использования колдовства, магии. У носителей литературного языка данное разграничение утратилось.

В **заключении** подведены итоги работы с точки зрения сопоставления формальных, количественных параметров ЛСП «Вред» в литературном языке и диалектах и с точки зрения структурно-семантической и мотивационной характеристики этого поля как отражения варьирования представления о вреде в национальной языковой картине мира; указаны перспективы исследования темы, связанные с теоретической и практической разработкой проблемы внутреннего структурирования лексико-семантического поля в диалектах, критериев разграничения его ядра и периферии, а также с дальнейшим совершенствованием методики мотивационного анализа.

Список опубликованных работ по теме диссертации

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. Дронова Л. П. Что такое вред? (мотивационно-генетические связи рус. вред) / Л. П. Дронова, **Яньчунь Лю** // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 412. – С. 14–19. – DOI: 10.17223/15617793/412/2. – 0,7 / 0,38 а.л.

Web of Science:

Dronova L. P. What is harm? (motivational and genetic links of rus. Vred) / L. P. Dronova, **Yanchun Liu** // Tomsk state university journal. – 2016. – № 412. – С. 14–19.

2. Дронова Л. П. Мотивационно-генетическая характеристика лексико-семантического поля «Вред» в русском литературном языке / Л. П. Дронова, **Яньчунь Лю** // Сибирский филологический журнал. – 2017. – № 4. – С. 202–213. – DOI: 10.17223/18137083/61/19. – 0,7 / 0,38 а.л.

Web of Science:

Dronova L. P. Motivational and genetic characteristics of the lexical-semantic field «Harm» in the Russian literary language / L. P. Dronova, **Yanchun Liu** // Sibirskii filologicheskii zhurnal. – 2017. – № 4. – P. 202–213.

3. **Лю Яньчунь**. Мотивационная структура субполя «Сглаз, порча» лексико-семантического поля «Вред» в диалектах русского языка / Яньчунь Лю // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 427. – С. 47–54. – DOI: 10.17223/15617793/427/6. – 1 а.л.

Web of Science:

Liu Yanchun The motivational structure of the subfield «Evil Eye, Jinx» of the lexical-semantic field «Harm» in the dialects of the Russian language / **Yanchun Liu** // Tomsk state university journal. – 2018. – № 427. – С. 47–54.

4. Лю Яньчунь. Диалектное *травить* 'портить' и его однокорневые образования в лексико-семантическом поле «Вред» / Яньчунь Лю // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2018. – № 6. – С. 58–61. – DOI 10.23951/1609-624X-2018-6-58-61. – 0.5 а.л.

Издание подготовлено в авторской редакции.
Отпечатано на участке цифровой печати
Издательского Дома Томского государственного университета
Заказ № 3010-18 от «25» октября 2018 г. Тираж 100 экз.
г. Томск Московский тр.8 тел. 53-15-28